

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ОРЕНБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ОРЕНБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
РАНХИГС ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА
ОРЕНБУРГА

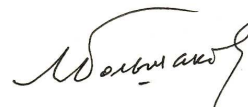
ОРЕНБУРГСКОЕ
РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ

ПОВОЛЖСКИЙ
ФИЛИАЛ ИРИ РАН

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН

АКТЮБИНСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ К. ЖУБАНОВА

*Любить – это знать,
знать – это чтить, изучать, постигать...*

ВОСЬМЫЕ БОЛЬШАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Сборник статей международной
научно-практической конференции

*К 330-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Н. ТАТИЩЕВА
К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
К 40-ЛЕТИЮ ПРАЗДНИКА «ШЕВЧЕНКОВСКИЙ МАРТ»*

Оренбург
Издательство ОГПУ
2016

УДК 8Р2 (063)
ББК 83.3 (2 Рос = Рус) 6-8
В78

Редакционная коллегия

Большакова Татьяна Леонидовна, член Союза журналистов России

Годовова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, зам. директора по научной работе Оренбургского филиала РАНХиГС

Каган Илья Иосифович, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки России

Камскова Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, профессор

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор

Научный редактор

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор

Дизайн обложки

Абленин Федор Михайлович

- В78 **Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен :** сборник статей международной научно-практической конференции / Мин-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Оренб. гос. пед. ун-т», Оренбургский филиал РАНХиГС при Президенте РФ; Мин-во образования и науки Республики Казахстан, Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова; Администрация г. Оренбурга, Оренбургское региональное отделение российского общества историков-архивистов; Поволжский филиал ИРИ РАН; науч. ред. С. В. Любичанковский. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. — 376 с. : ил.
ISBN 978-5-85859-627-1

В сборнике представлены материалы Восьмых Большаковских чтений, посвященных изучению Оренбургского края как историко-культурного феномена. Среди обсуждаемых проблем творческое наследие Л. Н. Большакова, феноменология Оренбургского края: теоретические проблемы в региональном дискурсе, Оренбург на карте мира, центральноазиатская ипостась Оренбургского края, ключевые процессы и переломные моменты истории Оренбургского края, этносы и конфессии в истории и культуре Оренбургского края, исследователи Оренбургского края и др.

Для краеведов, культурологов, историков, филологов, искусствоведов, философов и всех интересующихся проблемами исторического развития и современного состояния Оренбургского края.

УДК 8Р2 (063)
ББК 83.3 (2 Рос = Рус) 6-8

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА	7
ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА	9
ФЕНОМЕН ЛЕОНИДА БОЛЬШАКОВА	13
<hr/>	
<i>Большакова Т. Л.</i> «Дневник для себя — это все-таки дневник для других»: о дневниках Л. Н. Большакова.....	13
<i>Любичанковский С. В.</i> Эпистолярное наследие Л. Н. Большакова (анализ архивного фонда).....	17
<i>Флыгин Ю. С.</i> «Очень рад тому, что Вы так быстро откликнулись на мое письмо». К началу переписки между Л. Н. Большаковым и Г. Н. Чабровым.....	22
<i>Брижицкая С. А.</i> Шевченкиана Леонида Большакова в фондах Шевченковского национального заповедника (Канев).....	24
<i>Орел Л. Г.</i> Их объединил научно-исследовательский поиск (Из переписки В. Орла с Л. Большаковым).....	26
<i>Крикуненко В. Г.</i> О развитии оренбургского Института Тараса Шевченко. Запись из служебного дневника (февраль, 1996 г.).....	29
<i>Большаков Л. Н.</i> Простые люди в художественных произведениях Т. Г. Шевченко периода ссылки.....	31
<i>Большакова Т. Л., Камскова Т. А.</i> Жизнь продолжается: библиография о жизни и творчестве Л. Н. Большакова	36
<i>Хроника жизни и деятельности Л. Н. Большакова</i>	39
<hr/>	
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ	41
<hr/>	
<i>Казакова-Апкаримова Е. Ю.</i> Особенности цивилизационно-культурного облика городов Южного Урала в конце XIX — начале XX века: «полуазия» глазами современников.....	41
<i>Мухамеджанова Н. М.</i> Народная религия как фактор стабильности в полиэтническом регионе	45
<i>Любичанковский А. В., Михайлов А. С.</i> Пространственно-лимогенные образы в исторической памяти населения Оренбургского региона.....	48
<i>Смирнова О. А.</i> Оренбургский край в системе устной истории.....	51
<i>Набокина Т. А.</i> Роль коммеморативных практик оренбургских историков-краеведов второй половины XIX — начала XX века	54
<i>Барина Е. П.</i> История дворянских усадеб в литературных произведениях С. Т. Аксакова и Н. Г. Гарина-Михайловского	58
<i>Скопинцева Т. Ю.</i> О проблемах сохранения народной традиции оренбургских сел.....	61
<hr/>	
ОРЕНБУРГ НА КАРТЕ МИРА	67
<hr/>	
<i>Христов Ангел.</i> Оренбургская область — перекресток цивилизаций и культур.....	67
<i>Владимирски Ирена.</i> Оренбург и Оренбургский край: израильская коллекция	70
<i>Горак Артур, Лятавец Кжиштоф.</i> Оренбургский край в жизни и карьере начальников российских учреждений в Царстве Польском	72
<i>Моисеев Б. А.</i> Топонимические этюды	76
<i>Васильев Д. В.</i> Столица Степного края: Оренбург в казахском дискурсе Российской империи.....	78
<i>Бегимбаева Ж. С., Ажигалиева А. М.</i> Оренбург как важный центр истории создания казахской государственности в 20-е годы XX века	83
<i>Аканов К. Г.</i> Роль города Оренбурга в процессе становления казахской государственности XX века	85
<i>Косач Г. Г.</i> Оренбург и Башкирская автономия: «государственный» город в начале советской эпохи	88
<hr/>	
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ИПОСТАСЬ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ	94
<hr/>	
<i>Столарц Елена.</i> Имперский взгляд на мобильность и формы социального взаимодействия в пограничном регионе Оренбуржья в начале XIX века	94
<i>Моррисон Александр.</i> Товарооборот России со Средней Азией в середине XIX века по записям Оренбургской таможни	97
<i>Брежнева С. Н.</i> Роль оренбургского военного командования в подготовке наступления России на Среднюю Азию.....	102

4 | ВОСЬМЫЕ БОЛЬШАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

<i>Мухамедов Ш. Б.</i> Оренбург — Ташкент: исторические судьбы, или О том, как Михаил Григорьевич не послушался Николая Андреевича и что из этого получилось.....	105
<i>Енеева М. В.</i> Облик восточного края в очерке Н. Н. Каразина «От Оренбурга до Ташкента».....	111
<i>Кушпаева А. Б.</i> О «Проекте Устава товарищества для развития торговли со Средней Азией» С. Хрулева (по материалам Оренбургской губернии).....	114
<i>Нуритдинова Н. С.</i> Из истории Оренбургского края и Киргизской степи в конце XIX века	117
<i>Дубовицкий В. В.</i> Личный архив А. Е. Маджи как источник по истории, этнографии и науковедению Средней Азии конца XIX — первой половины XX века.....	119
НАШИ ИСТОКИ	123
<i>Матюшко И. В.</i> История раскопок археологических памятников эпохи средневековья в Оренбуржье.....	123
<i>Косых Е. С.</i> Частноправовые акты как источник по истории Башкирии начала XVIII века	125
<i>Иванов В. А.</i> Коммуникационная инфраструктура Уфимской провинции в годы работы Оренбургской экспедиции	128
<i>Кузнецов В. А.</i> Среднее Поволжье как один из источников колонизации Южного Урала в XVIII—XIX вв.	136
<i>Прусс А. П.</i> Традиции деревянной резьбы народов Поволжья и Урала в народной архитектуре Оренбургской области.....	139
<i>Федорова А. В.</i> Расписные полотенца украшают древние узоры	143
КЛЮЧЕВЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПЕРЕЛОМНЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ	147
<i>Воропанов В. А.</i> Организация правосудия на Южном Урале как способ управления развитием имперской периферии в период становления Оренбургской губернии (1734—1770-е гг.)	147
<i>Джунджужов С. В.</i> Полицейское преследование членов оренбургской организации партии социалистов-революционеров	151
<i>Магомедов Р. Р., Гришакова Л. В., Чернуха В. В.</i> Первая мировая война и хозяйственные связи между городом и деревней (на материалах Оренбургской губернии).....	153
<i>Хазиев Р. А.</i> Хозяйственные метаморфозы периода революции и гражданской войны в Оренбуржье: «Новая культурная практика» регионального выживания	156
<i>Клементьева Н. В.</i> Формирование органов здравоохранения в Оренбуржье в 1917—1934 гг.	159
<i>Филатов В. В.</i> Борьба с мифическими врагами в сельском хозяйстве Оренбуржья во второй половине 1930-х годов	163
<i>Пахомов А. В., Кирьянова Д. М.</i> Эвакогоспитали г. Медногорска в годы Великой Отечественной войны	166
<i>Устинова О. Ю.</i> Советы депутатов трудящихся и функционирование учреждений культуры в условиях послевоенного времени (на материалах Чкаловской области).....	168
<i>Гришакова Л. В., Магомедов Р. Р.</i> Трудовой аспект в молодежной политике ВЛКСМ в 1950—1960 годы	172
<i>Пахомов А. В.</i> Базовые установки в практике формирования региональной политической элиты в 1965—1991 гг. (на примере Оренбургской области).....	175
<i>Гаев А. Я., Гаев И. А., Савилова Е. Б.</i> К истории освоения водных ресурсов нефтегазоносного Оренбуржья.....	177
ЛЮДИ И СУДЬБЫ: ПОДРОБНЕЕ О ГЕРОЯХ ОРЕНБУРГСКОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ	184
<i>Семенов В. Г., Семенов О. В.</i> Забытый генерал-губернатор	184
<i>Садовников С. Д.</i> Эверсманы в Оренбургской губернии: начало биографии	187
<i>Почакаев Р. Ю.</i> Последний казахский хан: султан Иликей Касымов в среднеазиатской политике В. А. Перовского	191
<i>Банников А. П.</i> Собиратели военных реликвий 1812 г.	195
<i>Чемезов С. В., Ляшенко И. Э., Желтова В. И.</i> Первая женщина — доктор медицины в Оренбургском крае	196
<i>Перчик В. Д.</i> Жизнь и судьба Д. Г. Янчевецкого, забытого летописца казахских походов	198
<i>Васильева М. А.</i> Гражданская инициатива в решении проблем призрачения детей (на примере деятельности Н. А. Холодковского)	200
<i>Галиев А. А.</i> Абдрахман (Габдрахман) Муртазин — деятель Алаш	203
<i>Шведчикова Г. А.</i> Страницы биографии	205
<i>Сировский А. А., Флейшер В. Н., Фурман А. М.</i> Живет в памяти и сердце	209
<i>Хохлова Т. А.</i> Последователь А. Кольцова и В. Даля — Николай Волженцев	212
<i>Коломиец Г. Г.</i> К вопросу об эстетическом опыте на примере творческой деятельности оренбургского музыканта А. П. Закопая	214

ЭТНОСЫ И КОНФЕССИИ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ	218
<i>Палкин А. Г.</i> Генезис и развитие старообрядчества на Южном Урале в XVIII—XX вв.	218
<i>Камзина А. Д.</i> Результаты деятельности противостарообрядческой миссии Русской православной церкви в Оренбургской епархии во второй половине XIX — начале XX века	221
<i>Бахарева О. Я.</i> Екатерина Вторая и немцы Оренбургской губернии	223
<i>Конюченко А. И.</i> Оренбургская епархия в системе церковно-административного устройства Русской православной церкви в дореволюционный период (1799—1917)	228
<i>Шагеева М. Ш.</i> Город Оренбург как центр образования народов на Южном Урале	231
<i>Семенова Н. Л.</i> В. А. Перовский о положении башкир в Оренбургской губернии в 40-е годы XIX века (по материалам секретного рапорта военному министру А. И. Чернышеву)	234
<i>Мишучков А. А., Мишучкова А. В.</i> История Покровской церкви с. Краснохолм Оренбургской области	238
<i>Мишучкова А. В., Мишучков А. А.</i> История Никольского православного храма с. Краснохолм Оренбургской области	242
<i>Петрич Л. В.</i> Ликвидация неграмотности нерусских народов Оренбургского края в 1920-е годы	246
<i>Каган И. И.</i> Евреи — писатели и журналисты Оренбуржья	248
<i>Святоха Н. Ю., Филимонова И. Ю.</i> Историко-этногеографическая характеристика белорусов Оренбуржья.....	251
<i>Надршин Ф. М.</i> К вопросу о материальной культуре башкир Оренбургской области	254
<i>Бадретдинова С. А.</i> Республика Башкортостан и Оренбургская область: сотрудничество в сфере культуры.....	257
ФЕНОМЕН РЕГИОНАЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА	262
<i>Годовова Е. В.</i> Гражданственность и патриотизм как основа формирования менталитета оренбургского казака	262
<i>Пузанов В. Д.</i> Формирование Исетской провинции и казачьего войска на востоке Оренбургской губернии	264
<i>Кортунов А. И.</i> Динамика численности служилого казачьего населения Елдяцкой крепости (Елдяцкого городка) в 1736—1798 гг.	267
<i>Романюк Т. С.</i> Проблемы распространения единоверия на территории Уральского казачьего войска и заключения браков среди местного населения в 20-е годы XIX века	271
<i>Дубовиков А. М.</i> Здравоохранение в Уральском казачьем войске в XIX — начале XX века	273
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ОРЕНБУРГСКОЙ ПРОВИНЦИИ	276
<i>Емельянова А. В.</i> Мемуары об обучении в частных пансионах и на дому в Оренбургском крае в XVIII в.	276
<i>Бурлуцкая (Банникова) Е. В.</i> Скандал в благородном семействе. Из истории семейной повседневности оренбургского купечества.....	278
<i>Фот А. Г.</i> Трудовая повседневность псаломщиков Оренбургской епархии в конце XIX — начале XX века.....	281
<i>Егорова М. В.</i> Случаи суицида среди учащихся средних учебных заведений Урала в начале XX века.....	285
<i>Ажигулова А. И.</i> Семейно-брачные отношения в Оренбургской области в 1930-е годы	287
<i>Алмаев Р. З.</i> О некоторых особенностях повседневной жизни сельских учителей Оренбургской области в 1945—1970 гг.	289
<i>Пахомова Е. В.</i> Бытовое обслуживание населения целинных районов Южного Урала в 1954—1956 гг.	292
<i>Ронжес В. В.</i> Памяти друзей.....	295
ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ	296
<i>Сугурбаева Б. К.</i> Исследование Западного Казахстана в работах П. И. Рычкова	296
<i>Зубова И. К.</i> Николай Петрович Рычков и его роль в изучении Оренбургского края	297
<i>Юган Н. Л.</i> Сказочное богатство В. И. Даля оренбургского периода жизни и творчества	301
<i>Орлова Н. И.</i> Взаимодействие между визуальностью и нарративом в акварели «Пожар в степи» и повести «Близнецы» Тараса Шевченко.....	304
<i>Бегимбаева Ж. С., Басенова Ж. С.</i> Научные общества Российской империи в изучении культуры кочевников Центральной Азии (XVIII — начало XX века)	307
<i>Тогызбаева А. М.</i> Оренбургский отдел Русского географического общества в изучении этнографии казахского народа во второй половине XIX века	309

<i>Савинова Т. Н.</i> Из истории оренбургских ботанических исследований: Ольга Алексеевна Смирнова (1892—1958).....	311
<i>Бегимбаева Ж. С.</i> Оренбургский период в деятельности «Общества изучения Казахстана» (20-е годы XX века).....	315
<i>Емельянов Е. П.</i> Участие Н. В. Устюгова в научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству.....	318
<i>Бекасова Е. Н.</i> «Труд целой жизни»: к 90-летию со дня рождения Б. А. Моисеева	321
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ	327
<i>Матвиевская Г. П.</i> Оренбургский Неплюевский кадетский корпус.....	327
<i>Савицкий Г. В., Дубовенко Ю. И.</i> Вклад генерал-губернатора А. А. Катенина в развитие начального образования в Оренбургском крае в предреформенный период.....	329
<i>Шаргалов Д. В.</i> Развитие частного типографского дела на Южном Урале в 1847—1917 гг.	332
<i>Кантимирова Р. И.</i> Деятельность уфимского губернатора И. Ф. Щербатского по развитию образования в крае	335
<i>Владимирцева В. Г.</i> Общество «Трилистник» как координатор действий по распространению просвещения в Оренбургской губернии в начале XX века	338
<i>Семенченко И. В.</i> Земство и внешкольное образование в Оренбургской губернии (1917—1918 гг.).....	341
<i>Камскова Т. А.</i> Оренбургское (Чкаловское) областное книжное издательство: 1936—1963 гг.	344
<i>Алешина С. А.</i> Идеологический контекст проблемы воспитания студентов-«шестидесятников» (на примере Оренбургской области).....	346
<i>Тимиргазиева А. И.</i> Организация исследовательской работы в области иностранного языка в вузах технического профиля (на материалах Башкирской АССР)	349
<i>Подкорытова С. В.</i> Лекционная пропаганда в строительных трестах Оренбургской области (1956—1965 гг.)	352
<i>Большаков Л. Н.</i> «Шевченковский март»: как это было	355
<i>Гривко Е. В., Шевченко И. Б.</i> Эффективные формы экологического просвещения в рамках сотрудничества геолого-географического факультета и научной библиотеки Оренбургского государственного университета	362
<i>Шаяхметова И. З.</i> О концепции развития музея города Уфы.....	365
<i>Федорова А. В.</i> «Капитанская дочка» — музей одного произведения	367
НАШИ АВТОРЫ	371

Сам же Игнатъев, подводя итог своей миссии, писал: «...рассеялся туман, заслонивший ханства от глаз русского правительства, которое, наконец, прозрело и узнало настоящую цену «дипломатических сношений» с хивинскими ханами и Бухарой. Сведения, добытые нашей миссией, и добросовестное уничтожение прежнего «миража» вызвали крутой поворот в характере наших сношений с этими коварными и вероломными соседями»¹. Эти высказывания показательны в том смысле, что у многих политических и военных деятелей формировалось понимание того, что пора переходить от дипломатии к прямому военному нажиму на ханства, к активным наступательным действиям для осуществления целей Российской империи. Отнюдь не случайно, что в середине 60-х гг. XIX в., когда началось решительное наступление русских войск в глубь Средней Азии, во главе Азиатского департамента МИД находился бывший руководитель дипломатической миссии в Средней Азии Н. П. Игнатъев. Русское правительство узнало цену дипломатических сношений со среднеазиатскими ханствами; установился новый взгляд на их действительную силу и на положение, которое Россия должна и может занимать в Средней Азии.

К 1859 году среди высших чинов правительства, членов Министерства иностранных дел, высших военных чинов вполне сложилось мнение о необходимости активного наступления на Среднюю Азию. Сторонниками данного курса были оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин, западносибирский генерал-губернатор Г. Х. Гасфорд и будущий глава Азиатского департамента МИД Н. П. Игнатъев. Однако не было согласованности в вопросе о направлении движения. Об этом свидетельствует, например, записка А. Л. Данзаса «О взглядах разных лиц по вопросу занятия р. Сыр-Дарьи, о русских границах в связи с этим и русской политике»². В записке Данзас представляет точки зрения на направление наступления на Среднюю Азию разных лиц, которые были заслушаны в присутствии генерала А. А. Катенина в Оренбурге 17 и 18 октября 1859 г. Многие военные чины были единодушны во мнении, что захватить следует прежде всего Ташкент, так как с занятием этого города сомкнутся Сырдарьинская и Сибирская линии и таким образом определится граница России.

Можно заключить, что в 1859 г., после миссии Игнатъева в Хиву и Бухару, было определено направление наступления на Среднюю Азию — предполагалось наступать на Бухарский эмират. Хивинское же ханство не рассматривалось как возможный противник. Наступление на Бухарский эмират вызывалось также опасением того, что эмир бухарский может переманить на свою сторону киргизов-кочевников (подданных России).

Однако, как следует из архивных материалов, российское правительство не предпринимало решительных действий, занимало выжидательную позицию, противилось решительным наступательным действиям. Можно заключить, что Петербург являлся как бы сдерживающим фактором в продвижении русских войск в Средней Азии.

Решающая роль в начале наступления на Среднюю Азию, определении направления наступления принадлежит оренбургскому командованию и лично Катенину. Он скончался внезапно в 1860 году в возрасте 60 лет. Однако линию на завоевание Средней Азии продолжили его последователи — оренбургские генерал-губернаторы А. П. Безак и Н. А. Крыжановский. На местах было лучше видно положение дел на границе Российской империи. Можно сделать вывод о том, что наступление на Среднюю Азию началось не благодаря, а вопреки указаниям официального Петербурга.

Ш. Б. Мухамедов

Оренбург — Ташкент: исторические судьбы, или О том, как Михаил Григорьевич³ не послушался Николая Андреевича⁴ и что из этого получилось...

Оренбург и Ташкент связывают исторические судьбы, прежде всего потому, что в течение первой и начала второй половины XIX века именно из Оренбурга координировалось продвижение российских войск в Среднюю Азию, завоевание новых территорий и определение судеб проживающих здесь народов на долгую перспективу.

Историкам независимого Узбекистана очень интересен сам процесс того, как происходило это судьбоносное действие, как осуществлялся механизм принятия решений, а также взаимодействие центра и периферии в осуществлении сложных и неоднозначных стратегических и тактических за-

¹ Игнатъев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897. С. 274.

² РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 2—7.

³ Михаил Григорьевич Черняев — покоритель Ташкента в 1865 г. и второй Туркестанский генерал-губернатор (1882—1884 гг.).

⁴ Николай Андреевич Крыжановский — оренбургский генерал-губернатор (1865—1881 гг.).

дач. В этом ракурсе интересно поведение местных национальных элит, которые даже спонсировали М. Г. Черняева в целях захвата Ташкента и других среднеазиатских городов. Они сопровождали русские войска и помогали им в преодолении тех или иных трудностей, присущих этому региону. Поведение национальных элит после завоевания русскими войсками ряда среднеазиатских городов и помощь в создании нового общественного и государственного устройства — тоже одна из малоисследованных тем. Большой интерес представляют для нас личности боевых русских офицеров, которые взяли на себя непривычную работу по устройству гражданской жизни в исламском регионе.

В статье, кроме указанных проблем, автор делает попытку развенчать ряд мифов, укоренившихся в исторической науке. К сожалению, объем статьи не позволит сделать глубокий анализ этого уникального периода, однако, как говорится, «дорогу осилит идущий».

Вызывает сомнение, что сложившееся мнение о завоевании полковником Черняевым на свой страх и риск в 1865 г. Ташкента устраивало в первую очередь царское правительство, так как снимало с него всю ответственность за это завоевание перед мировым сообществом. За действиями царской России в регионе особенно пристально следила Англия, у которой были здесь свои интересы, не в последнюю очередь — экономические.

Здесь стартовой точкой берется именно Ташкент, хотя до этого были завоеваны находящиеся рядом города: Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата и др. Возглавлявший в тот период военное ведомство Д. А. Милютин фактически и был инициатором завоевания Средней Азии и Ташкента, о чем не мог не знать полковник Черняев¹. В своей записке в МИД Российской империи в связи с депешей русского посла в Лондоне барона Брунова, бывшего тревогу по поводу продвижения России в Среднюю Азию, Милютин писал: «...Не надобно просить извинения перед английскими министрами за всякое наше движение вперед. Они не церемонятся перед нами, завоевывая целые царства, занимая чужие города и острова, и мы не спрашиваем у них, зачем они делают это»².

Заметим, что Средняя Азия не была для России «неизвестной землей», *terra incognita*. Царское правительство прекрасно знало положение дел в регионе. Об этом свидетельствуют документы сборника, составленного генерал-лейтенантом М. А. Терентьевым³. В одном из первых речь идет о приезде посольства хивинского хана Шанияза к Петру Великому в 1700 г.⁴ В документах нашли отражение и факты о развитии торговли региона с царской Россией в период до и после завоевания ею Туркестана.

Многими историками замалчиваются факты, о которых можно лишь догадываться. «Покоритель» Ташкента М. Г. Черняев в 1857—1858 гг. впервые прибыл в Среднюю Азию и всю ее объездил, прекрасно знал положение в Хивинском и Кокандском ханствах, обследовал торговые пути, изучил быт и нравы местного населения.

Российская империя была более развитым государством, которое уверенно ступило на путь капиталистического развития. Естественно, что и армия этого государства была гораздо лучше оснащена по сравнению с армиями Хивы, Бухары и Коканда. Начиная с Петра I вооруженные силы царской России использовали все лучшее из европейской военной науки.

Становится понятным, почему полковник М. Г. Черняев, «в распоряжении которого были всего лишь 2571 человек нижних чинов, 8 полевых и 2 горных орудия, 7 мортир и 2 ракетных станка, смог завоевать треть теперешних среднеазиатских владений»⁵. Защитников Ташкента в июне 1865 г. было не менее 30 тысяч человек. Начиная поход в глубь Средней Азии, М. Г. Черняев предусмотрел все, начиная от одежды солдата и кончая обозом. Девизами его были два положения: «1) полная независимость отряда в смысле продовольствия от местных условий; 2) легкая, приспособленная к степной жизни одежда солдат и офицеров и возможно полное освобождение от несения тяжести в походе»⁶. Отряд Черняева, которому он впервые дал форму одежды, ставшей потом «туркестанской», был действительно очень подвижен и независим в отношении продовольствия⁷.

Полковник Черняев подчинялся непосредственно оренбургскому генерал-губернатору Крыжановскому, без ведома которого он не мог сделать ни одного серьезного шага. Подтверждение этому — одна из первых мемуарных работ, посвященных исследуемому периоду, написанная непо-

¹ Дневник Д. А. Милютина. 1873—1875 гг. М., 1949. Т. 1. С. 35.

² Там же.

³ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами. СПб., 1906. Т. 1—3.

⁴ Терентьев М. А. Указ. соч. Т. 1. С. 20.

⁵ ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 33. Л. 86.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

средственно руководителем Туркестанской области (1866) генералом Д. И. Романовским¹. Очень ценны в книге оригинальные архивные документы о периоде подготовки и завоевании Средней Азии Российской империей, в частности служебная переписка между М. Г. Черняевым и генерал-губернатором Крыжановским накануне и после завоевания Ташкента. В 1906 г. эти и многие другие документы были собраны и опубликованы генерал-лейтенантом М. А. Терентьевым в трех томах, с прекрасными комментариями, не лишенными чувства юмора². Из них мы узнаем, что оренбургский генерал-губернатор Н. Крыжановский запретил М. Г. Черняеву завоевывать Ташкент весной 1865 г. и предлагал это сделать осенью того же года, но под его личным руководством. В этих целях Черняеву была выслана программа действий (Инструкция от 25 февраля 1865 г. № 81). Рекомендую, например, озаботиться прежде всего сильной обороной достигнутых рубежей, Н. Крыжановский добавил тезис о необходимости иметь в головном пункте, предположительно в Чимкенте, достаточную подвижную силу, которая могла бы произвести погром в соседних странах³. В проекте этого предписания добавлено «и взять Ташкент», но военный министр Д. А. Милютин сделал против этого пометку «не будет ли осторожней о взятии Ташкента не упоминать?»⁴

В это же время генерал-адъютант Н. Крыжановский известил М. Г. Черняева о своем намерении прибыть осенью в новообетенную область (т. е. Туркестанскую) и потому просил не предпринимать ничего против Ташкента до его приезда. На товарищеских советах было решено не ждать Крыжановского и поторопиться с Ташкентом до осени⁵. 17 июня 1865 г. Ташкент был покорен Черняевым, однако именно то обстоятельство, что Ташкент был покорен без Н. Крыжановского, сыграло в последующем в судьбе Черняева роковую роль.

Мнения М. Г. Черняева и Н. Крыжановского расходились и в вопросе административного устройства Ташкента. Черняев после близкого знакомства с завоеванным Ташкентом изменил свое мнение в пользу полного присоединения города к Российскому государству. Генерал-губернатор Крыжановский, имевший о Ташкенте довольно смутное представление, стал настаивать на первоначальном варианте М. Г. Черняева о создании независимого от Коканда и Бухары Ташкентского ханства.

В сборнике документов⁶, собранных А. И. Серебренниковым и изданных в 1908—1915 гг. штабом Туркестанского военного округа в Ташкенте, представлен довольно любопытный документ под № 256 — отчет генерал-губернатора Н. Крыжановского военному министру Д. А. Милютину от 23 октября 1865 г. о его первой поездке в завоеванный Ташкент⁷: «Все занятые нами города: Туркестан, Чимкент и Ташкент по наружности одинаково грязные, грустные и бедные... В Ташкенте может быть от 80 до 100 тысяч жителей и из всех здешних городов он один может иметь будущность»⁸. Генерал-губернатор считал, что город должен оставаться независимым владением, так как в противном случае будет потерян сосед, который своими владениями прикроет российскую границу, и, следовательно, «будет новая Варшава, но только магометанская»⁹.

Н. Крыжановский во время своего визита в Ташкент собрал главных лиц города, как духовных, так и гражданских, и объявил им волю Государя Императора отдать завоеванный Ташкент самим ташкентцам. При этом представителям местной элиты был задан вопрос о том, какое бы они выбрали управление¹⁰.

29 октября 1865 г. в Ташкенте была распространена прокламация «Объявление жителям Ташкента от главного начальника Оренбургского края генерал-адъютанта Его Императорского Величества Крыжановского». В прокламации отмечалось, что завоевание Ташкента произошло в интересах защиты местных жителей от хищнической власти Коканда, так как русский царь не ищет новых завоеваний и не нуждается в приобретении новых земель, которых у Его Величества более, чем у

¹ Романовский Д. И. Заметки по Среднеазиатскому вопросу. С приложениями и картою Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1868.

² Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии : в 3 т. СПб., 1906.

³ Там же. Т. 1. С. 307.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 307—308.

⁶ Серебренников А. И. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Ташкент, 1908—1915.

⁷ Серебренников А. И. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1865 г. Ч. 2. Ташкент, 1914. С. 140—152.

⁸ Серебренников А. И. Указ. соч. 1865 г. Ч. 2. С. 142.

⁹ Там же. С. 143.

¹⁰ Там же. С. 150.

всех других монархов¹. В связи с этим принимается решение: «Ташкент, вместе со страной, распространяющеюся до реки Сырдарьи, должен составить независимое государство. Военному губернатору Туркестанской области поручено составить подробное соображение о порядке и способе управления Ташкентским государством, на основании... указаний, из коих первое заключается в том, что *вера, которой принадлежит Вы, ныне должна остаться во всем нерушимую*² (выделено нами. — Ш. М.)... Молю бога, да ниспошлет Он Вам, к общему благу, воспользоваться благодеяниями великодушного Русского Царя и вместе с новым государством основать и Ваше прочное счастье, и постоянно мирную жизнь»³.

Представители местной элиты поверили в намерение российской власти создать независимое Ташкентское государство. В этот период было подготовлено официальное письмо «Жители г. Ташкента Оренбургскому генерал-губернатору». В письме говорилось о том, что сама русская власть предлагает жителям города сохранить управление в своих руках, для этого «мы сами должны из среды себя назначить начальником, кого пожелаем»⁴, но «с извинением должны доложить, что назначение начальника из среды себя для службы Великого Государя было бы с нашей стороны слишком самонадеянно и неуместно»⁵. Далее давалось разъяснение, что подобные выборы начальника из числа местных людей могут привести к большим беспорядкам, спровоцировать зло и несправедливость⁶. Следует учесть, что в самом Ташкенте налицо были группировки, которые негативно отнеслись к российскому завоеванию, но были и заинтересованные в нем. Именно они, на наш взгляд, и предоставляли секретную информацию о положении города, его обороноспособности и уязвимых местах и даже в нужный момент открывали ворота города для российских солдат. После завоевания полностью поддерживали новую власть, в состав которой они же и входили и даже часто ею руководили. О феномене этого фактора, его истоках и причинах будет сказано далее. Содержание письма жителей города Ташкента генерал-губернатору Н. Крыжановскому полностью подтверждает наши размышления.

Однако восточная покорность, проявленная в письме о выборе руководителей Ташкента, уступала место настойчивости в вопросах мусульманской религии.

«Мы желали бы, — указывалось в письме, — чтобы подобные дела по шариату нашему находились в ведении нашего кази-каляна с тем, что никто бы в его распоряжения не вмешивался, исключая лишь того лица, которое по определению высшего начальства будет находиться только в качестве посредника и оказывать нам свое покровительство...»⁷. И далее: «Постановили просить все дела по шариату поручить заведованию нашего кази-каляна; определение в Ташкенте и в местах, подчиненных его управлению: казиев, улямов, муфтиев, раисов, мутавалиев и имамов предоставить также усмотрению и выбору того же кази-каляна с утверждения генерала Черняева, и, кроме того, главное управление здешним населением поручить генералу же Черняеву... и просим подчинить при этом его же власти и управлению и те места, которые входили и прежде в состав этой территории...»⁸ — «генерал Черняев очень хорошо знает здесь всех от мала до велика и хороших и дурных»⁹.

Жители Ташкента в этом письме выдвигали к новой власти и экономические требования, в частности об освобождении от таких налогов, которые не полагались по шариату, от сборов за дворовые места, расположенные в Ташкенте, а также земли, которые приобретены с утверждения кази-каляна, и об узаконении выплаты за казенные земли, отдаваемые в оброчное содержание одной десятой части натурой и деньгами от получаемой выгоды¹⁰.

В принципе текст письма, подготовленный от имени ташкентских жителей, можно считать первой программой взаимодействия представителей местной элиты с царской властью по вопросам устройства мусульманского быта и шариатского суда. Однако опыт взаимодействия с мусульманскими народами Поволжья, Крыма и Кавказа на протяжении 300 лет научил царское правительство быть очень осторожным, и в первую очередь с представителями мусульманского духовенства.

¹ Серебренников А. И. Указ. соч. 1865 г. Ч. 2. С. 163.

² Там же.

³ Там же. С. 163.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 267.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Генерал Терентьев, комментируя письмо жителей Ташкента, считал, что ташкентская элита практически предлагала оставить руководящие позиции в своих руках, причем с предоставлением ей существенных привилегий, в частности подчинения ташкентскому кази-калян духовных и судебных должностей по всей Туркестанской области, в том числе в Ташкенте¹. По его мнению, если бы российская власть удовлетворила подобное желание, то управление краем осуществлял бы представитель мусульманского духовенства, а русские войска оберегали его спокойствие².

Очевидно то, что письмо было написано при прямом участии генерала Черняева, без которого, по мнению жителей города, невозможно представить существование Ташкента. Однако дальнейшие исторические события заставили Черняева срочно покинуть край, завоеванию которого он так способствовал.

Реальное положение дел показало, что боевой генерал Черняев и Черняев-администратор — противоположные личности. В качестве военного губернатора Туркестанской области Черняев практически ничего созидательного не смог сделать. «Блистательная» карьера М. Г. Черняева закончилась. Однако он еще вернется в Туркестан в 1882 г. в качестве генерал-губернатора.

Подробное повествование о деятельности Д. И. Романовского на посту военного губернатора Туркестана содержится в его воспоминаниях³. Новому военному губернатору императором давались большие полномочия. В 1866 г. закончились льготы в области налогов для жителей Ташкента, предоставленные им Черняевым. Романовский привел в порядок финансовую систему Туркестанской области.

Одним из самых сложных, по мнению Романовского, в Ташкенте был вопрос взаимоотношения российской власти и мусульманского духовенства. Здесь огромными полномочиями был наделен казы-калян⁴. «Раздав главнейшие духовные и судебские места своим ближайшим родственникам и соединяя в своем лице вместе с правами главы духовенства права главного судьи по делам гражданским, ташкентский казы-калян, — как считал Романовский, — даже при нелюбви к нему народа мог причинить весьма много вреда»⁵ российской власти.

Военному губернатору предоставлялось право для нейтрализации опасных для российской власти личностей отправить в ссылку казы-каляна в город Омск, а на его место поставить более надежного⁶. Однако Романовский опасался, что такая мера даст повод родственникам и приверженцам казы-каляна сделать из него жертву религиозных убеждений и обратиться в святого⁷.

Более эффективной мерой он считал устройство в Ташкенте «мехкеме» — судебного учреждения для мусульман-туземцев⁸. Но и здесь он проявил особую осторожность, не навязывая его своим волевым решением: пригласил знатных людей Ташкента, разъяснил им сущность нововведения и поручил узнать мнение народа по этому вопросу⁹. Оказалось, что народ весьма скоро понял выгоду нового учреждения и даже нашел в нем много сходного с существовавшими у них когда-то порядками¹⁰. Открытие мехкеме планировалось военным губернатором через 2 месяца, к моменту приезда в край Крыжановского. Однако разбор дел по новому порядку Романовский разрешил недели за три до приезда генерал-губернатора.

В самом Ташкенте при Романовском произошли события, направленные на укрепление российской власти в крае: выделено место для устройства европейского квартала, учрежден городской комитет, начато строительство шоссе, открыта русская школа для обучения детей обоего пола¹¹, усилилась борьба с грабителями торговых караванов, проходивших через Ташкент.

В июле 1866 г. Романовский получил письмо от генерал-губернатора Крыжановского об усилении давления на Кокандского хана и Бухарского эмира с целью подчинить их российскому влиянию, в противном случае предлагалось покончить с Кокандским ханом¹².

¹ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. С. 328.

² Там же.

³ Романовский Д. И. Заметки по Среднеазиатскому вопросу. С приложениями и картою Туркестанского Генерал-губернаторства. СПб., 1868.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 86.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 87.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 91.

Как указывалось в труде Романовского, жители ряда завоеванных территорий обратились с просьбой к российскому императору принять их в российское подданство. Таким образом, все занятые по май 1866 г. территории были включены в состав царской России¹, где стало действовать ее законодательство.

Мехкеме буквально «народный суд». Однако в силу определенных причин — неустроенности управления краем и того, что в этот орган должны были войти наиболее добросовестные и пользующиеся доверием жители, организация могла исполнять и более широкие функции. Например, на мехкеме в Ташкенте были возложены и функции муниципального учреждения: наблюдение за податями и налогами, устройство в городе общепользных учреждений и т. д. Однако так как это было временным органом, мехкеме не имело ни административного, ни полицейского характера².

При мехкеме организовывалось особое отделение, состоящее из членов кочевого населения — биев. Это отделение должно было вести киргизские судебные дела, и казы (судья. — *Ш. М.*) в нем не должен был составлять неперемного членства. Киргизское и сартовское отделения мехкеме имели лишь общего председателя. Члены киргизского мехкеме в Ташкенте получали содержание меньше «сартовского» по причине малочисленности киргизов в Ташкенте и того, что киргизы реже обращаются в мехкеме, чем «сарты»³. Мехкеме разбирало и решало «сартовские» дела по шариату и адату (обычаям)⁴, а киргизские — по народным обычаям. Председатель ограничивался наблюдением за правильностью решений и в случае своего разногласия с членами мехкеме представлял дело военному губернатору⁵. Мехкеме как судебное учреждение, отмечалось в документе, не могло изменить полицейского состава, но изменило судебный. Прежде в Ташкенте было четыре казы и состоящие при них муфтии. При российской власти в мехкеме — один казы и три советника⁶.

Романовским было положено начало государственному регулированию ислама в Средней Азии со стороны Российской империи. И хотя мехкеме не предполагало контроля над мусульманскими учебными заведениями — медресе и мактабами, — царская администрация, возглавлявшая Туркестанскую область, на наш взгляд, через мехкеме это регулирование осуществляло.

В документе № 64, представленном в «приложении» к работе Д. И. Романовского, озаглавленном «Адрес жителей города Ташкента, поданный генералу Романовскому 11-го июня 1866 года», приводится интересный факт о том, что в один из дней военный губернатор посетил мусульманское медресе в Ташкенте, тепло отнесся к учителям, вручил им денежную награду и пообещал открыть больницу и выписать доктора из мусульман⁷.

Д. И. Романовский управлял Туркестанской областью всего лишь восемь с половиной месяцев. Прибыв в Ташкент 26 марта, он выехал из города 11 декабря 1866 г., сдав войска и область генерал-майору Мантейфелю⁸. Современники и исследователи этого периода в дальнейшем неоднозначно оценивали период правления Романовского. М. А. Терентьев считал, что не стоило менять Черняева на такого средних возможностей руководителя.

Однако прибывший в октябре 1866 г. в Ташкент в составе специальной комиссии А. К. Гейнс в своих дневниках положительно оценивал деятельность Д. И. Романовского. «Из всего, что я здесь вижу и слышу, — писал он, — явствует: 1) что Крыжановский на ножах с Романовским; 2) что последний будто бы устроил так дела, чтобы парализовать деятельность (административную) Холодковского⁹; 3) что множество комиссий, образованных Крыжановским для временного устройства края, находятся в походе и променяли доблесть гражданина на меч воина; 4) что Холодковский — председатель всех этих комиссий — остался в Ташкенте для выработки необходимых материалов, но что местная администрация, а в особенности войсковой старшина Уральского войска Серов, управляющий местным населением центра, не дал никаких сведений Холодковскому под тем предлогом, что, мол, все уехали в поход»¹⁰. Автор дневников пришел к выводу, что Крыжановский и Хо-

¹ Романовский Д. И. Заметки по Среднеазиатскому вопросу. С. 97.

² Романовский Д. И. Указ соч. С. 261.

³ Там же.

⁴ Ошибка в документе. Дела, так называемые «сартовские», решались только по шариату, а киргизов — по адату (народному обычаю).

⁵ Романовский Д. И. Указ соч. С. 261.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 264.

⁸ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. С. 383.

⁹ Правитель канцелярии Оренбургского генерал-губернатора. Кстати, Гейнс считал, что фактически именно Холодковский и управлял генерал-губернаторством, так как Н. Крыжановский, будучи в преклонном возрасте, передал тому бразды правления.

¹⁰ Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан. Собрание литературных трудов А. К. Гейнса. СПб., 1898. Т. 2. С. 429.

лодковский не в состоянии управлять Оренбургским краем. Д. И. Романовский, по мнению А. К. Гейнса, умнее всех их взятых вместе, к тому же человек мягкий, вежливый и выдержанный, а представлен деспотом, жаждущим беспрекословного подчинения»¹. Романовский к тому же прогнал из области даже таких людей, вина которых состоит в их почитании Черняева².

Документы свидетельствуют о том, что Черняев и Романовский в основном проводили политику невмешательства в религиозные дела местного мусульманского населения, хотя Романовский и ввел в Ташкенте мехкеме, через которое царская администрация и проводила свою политику, в первую очередь нейтрализовав крупное мусульманское духовенство. 300-летний опыт Российской империи в общении с мусульманским населением помог царской администрации избежать множества ошибок в межконфессиональной истории взаимоотношений христианства и ислама и на территории Средней Азии. Однако здесь ислам имел свою специфику и поэтому так до конца и не был понят царскими чиновниками. Возможно, они и не очень хотели этого.

После отъезда Романовского из Ташкента в декабре 1866 г. Туркестанской областью стал управлять генерал-майор Мантейфель, уделявший особое внимание боевым действиям против войск эмира Бухарского и Кокандского хана. Мантейфель руководил областью в ранге временно исполняющего должность военного губернатора до ноября 1867 г. — до приезда в Ташкент нового руководителя Туркестанского генерал-губернаторства генерал-лейтенанта К. П. фон Кауфмана.

Судьба Ташкента и Туркестанской области после отъезда Романовского решилась в столице империи Санкт-Петербурге. 1 июля 1867 г. Высочайшим указом было принято решение об организации нового Туркестанского генерал-губернаторства.

Как видно из всего вышесказанного, Оренбург и его руководство сыграли определенную роль в становлении нового Туркестанского генерал-губернаторства, а дальнейшее взаимовлияние этих регионов в составе Российской империи требует новых исследований как одна из малоисследованных страниц.

М. В. Енеева

Облик восточного края в очерке Н. Н. Каразина «От Оренбурга до Ташкента»

Тема Европы и Азии всегда очень интересовала русских писателей, художников. Еще в XIX веке к Востоку, как к экзотическому пространству «на краю света», было двойственное отношение. С одной стороны, восточная окраина страны воспринималась как пространство вне цивилизации, на краю обжитого пространства, с другой — как место, воспринимаемое романтически, где можно проявить себя. Автор повестей-путешествий, художник-иллюстратор, журналист, статьи которого публиковали журналы «Нива», «Дело», «Всемирная иллюстрация», «Беседа», Николай Николаевич Каразин был одним из тех, кого служба, долг и интерес заставили отправиться на войну в Туркестан в 1867 году. Впоследствии, выйдя в отставку, он создал целую серию очерков и рассказов о туркестанских походах³.

Большую часть своей жизни Н. Н. Каразин провел в дороге, и главной дорогой жизни, во многом определяющей его судьбу как знаменитого художника и писателя, стал Орско-Казалинский тракт — дорога на Восток, в почти еще не известный мир, который Каразин называл «постоянной своей мечтой»⁴.

Проза Каразина — «декоративная повествовательная литература», так многочисленны в ней описания природы, этнографические наблюдения. Современники говорили о нем, что он пишет картинно, так же как и рисует, и дает понятие о степном крае и быте совершенно верное; критики отмечали оригинальность его прозы. Не менее интересны и этнографически достоверны акварели и гравюры Каразина, а также его иллюстрации к собственным произведениям. И рисунки, и литературные зарисовки отличаются точностью деталей, вниманием к этнографическим, историко-географическим особенностям дальних российских (восточных) окраин, а также Бухары, Хивы, Коканда — среднеазиатских городов.

¹ Дневник 1866 года... С. 430.

² Там же.

³ Казимирчук А. Д. Дихотомия «Восток — Запад» в произведениях Н. Н. Каразина // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 204.

⁴ Шумков В. Жизнь, труды и странствия Николая Каразина, писателя, художника, путешественника // Звезда Востока. 1975. № 6.

Н. С. Нуритдинова

Из истории Оренбургского края и Киргизской степи в конце XIX века

Во второй половине XIX века интерес Российской империи в Средней Азии и ее окрестностях год за годом возрастал. В 1848 г. генерал Обручев был избран начальником Оренбургского края. До Обручева русские основательно не знали Киргизской степи, хотя отправляли немало экспедиций, которые хорошо не знали местных условий и сопровождались большей частью неудачами и потерями. Таковы были несчастные экспедиции князя Черкасского в Хиву в 1717 г., походы генерал-майора Траубенберга для преследования калмыков в 1771 г., полковника Берга — для исследования Усть-Урта в 1824—1825 гг., генерал-адъютанта Перовского — в Хиву 1839—1840 гг. и др.¹

Киргизская степь занимала пространство 901 460 квадратных верст, из них 724 500 квадратных верст были удобны для кочевья киргиз².

Необходимость изучения и освоения новых территорий, таких как Киргизская степь, заставляла генерала Обручева предпринимать различные шаги. Строительство укреплений в степи обеспечивало защиту Оренбургской линии от набегов киргизов. Беспреданное передвижение отрядов между укреплениями и линией для прикрытия сплошной топографической съемки степи, начатой с 1843 г., приучило русские войска ходить по степи, как у себя дома. Тем самым Обручев обеспечил успех русских властей в последующих действиях. Созданные по его инициативе укрепления в Оренбургской Киргизской степи явились главнейшей мерой для упрочения в ней русского влияния.

До него в степи существовало только одно Новоалександровское укрепление, основанное в 1834 г. на северо-восточном берегу Каспийского моря, у Мертвого Култука, при начале залива Кайдак или Карасу, с целью обуздания соседних кочевых племен и установления торговых сношений с Хивой. Но из-за неудачного выбора места оно не могло приобрести никакого значения ни на суше, ни на море. Однако увеличивалась смертность в гарнизоне, поскольку русские солдаты не привыкли к такому климату и воде, а недостаток корма лишал возможности содержать в укреплении лошадей. Неудобство плавания для морских судов в Кайдак и трудность выгрузки под крепостью делали ее бесполезной для торговли. По этим причинам в 1846 г. укрепление было перенесено Обручевым на полуостров Мангышлак к Тюк-Караганскому заливу, защищенному от всех ветров, и названо Новопетровским, потому что еще при Петре I на этой территории существовали русские укрепления (во время экспедиции князя Черкасского).

Из Новопетровского укрепления, переименованного в 1857 г. в Александровский форт, кроме места стоянки морских судов, планировали образовать промежуточный торговый пункт между Астраханью и Хивой на том основании, что на Мангышлаке издавна производился обмен товаров между промышленниками астраханскими, приплывавшими сюда на судах, и караванами из Хивы. Но их план не осуществился, так как со времени постройки укрепления хивинские караваны перестали ходить на Мангышлак. Александровский форт сохранился до основания Красноводска в 1869 г.

В 1845 г. под руководством Обручева на территории Киргизской степи были основаны два укрепления: Оренбургское — на реке Тургай, Уральское — на реке Ирғиз³. В 1868 г. их переименовали в города Тургай и Ирғиз. Таким образом, в Оренбургской Киргизской степи образовались первые русские поселения. Постепенно русские стали, преследуя местных киргизских султанов, завоевывать Киргизскую степь. Для облегчения дальнейших действий в 1846 г. Обручев планировал устроить третье степное укрепление около соединения реки Темира с Эмбой. Но это предложение было отложено, потому что в то время в Российской империи возник вопрос о занятии пункта на Сырдарье для оказания большего влияния на проживавших в отдаленных степях киргизов и на политические и торговые сношения со среднеазиатскими ханствами. И только в 1862 г. эти планы были приведены в исполнение генералом Эмбинского поста Катениным.

Новая Оренбургская линия шла от Орска по границе с Киргизской степью. Дорога из Оренбурга в Орск была по старой линии. Переехав Урал у Орска, можно было видеть Азию — Киргизскую степь⁴.

В 1846 г. департамент генерального штаба отправил топографов капитана Лемма в Оренбург для определения астрономических пунктов в степи. Генерал Обручев воспользовался этим случаем

¹ Макшеев А. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896. С. 7.

² Ягмин А. Киргиз-кайсацкие степи и их жители. Соч. с рисунками. СПб., 1845. С. 5.

³ Макшеев А. Путешествия по киргизским степям... С. 8.

⁴ Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, фортом Александровским и дорогою через киргизскую степь. СПб. 1866. С. 99.

для приобретения сведений о местности около Сырдарьи, отправил с Леммом офицера генерального штаба капитана Шульца. Шульц писал, что около урочища Раим, в 60 верстах выше устья реки, можно накашивать до миллиона пудов душистого сена, эта новость обрадовала Обручева. Наградив Шульца, он стал просить разрешения построить на Раиме укрепление. Из Петербурга ему возражали, но он настаивал, говоря, что если русские не займут низовьев Сырдарьи, то их могут занять англичане. Наконец, он добился разрешения и в 1847 г. сам со значительным отрядом отправился в Сырдарью.

Прибыв на место, увидав с высоты Раимского мыса массу камыша в долине Сыра, сзади которого нельзя было и предполагать травы, он был поражен. Нелегко было русскому генералу оставлять войско в степи, не обеспечив его вполне, но возвращаться с ним назад после стольких переписок с министерствами и после громадных расходов на снаряжение войск в степь было выше его сил, и он основал укрепление.

Как писал Макшеев в своей книге: «... Таким случайным образом осуществилась мысль о заведении русского поселения в низовьях Сырдарьи, занимавшая много лет тому назад основателя Оренбургской линии Кирилова. Для успокоения своей совести Обручев оставил Шульца в Раиме отыскивать траву. Шульц, конечно, ее не нашел и упорно настаивал, что трава обратилась в камыш вследствие сильного разлива Сыра. Долго продолжалась по этому поводу переписка, но когда отыскан способ к дальнейшему обеспечению укрепления, помимо Шульца, дело о его донесении было предано забвению. Не будь, однако, ошибки капитана Шульца, мы бы (русские. — Н. С.), может быть, до сих пор не были на Сырдарье, а не только в Ташкенте, Коканде и Самарканде»¹.

Для устройства и обеспечения существования степных укреплений российское правительство отправляло все необходимое. Отправкой занимался лично Обручев: составлял списки отправляемых предметов, распределял их, укладывал на подводы и т. д. Кроме ежегодного отправления транспортов, общение со степными укреплениями проводилось постоянно раз в месяц через наемных почтарей из киргизов, а по временам — посредством высылки небольших отрядов и команд.

Во второй половине XIX века с основанием укрепления на Сырдарье дорога из Орской крепости, через Уральское управление в Раимское, стала для русской власти главным операционным путем в Киргизской степи и в Среднюю Азию.

По топографическим свойствам дорога от Орска до Раима разделялась Уральским укреплением на две части: северную — удобную для движения транспортов и отрядов и даже для устройства поселений — и южную — крайне затруднительную для движения и невозможную для оседлого населения по причине сыпучих песков и недостатка воды и подножного корма. К тому же местное население неоднократно оказывало сопротивление русским под руководством киргизского султана Джангалы Ширгазиева, батыра Исета Кутебарова, приобретавшего значительное влияние на киргизов, кочевавших в юго-западной части степи. Однако сопротивление местного населения беспощадно подавлялось военной силой русских властей².

Основывая укрепление на Сырдарье, в 60 верстах от ее устья, Обручев обратил внимание и на Аральское море. По его распоряжению в 1847 г. в Оренбурге построили два двухмачтовых суда: одно военное — «Николай», а другое частное — «Михаил». Первое предназначалось исключительно для исследования моря, а второе для компанейского рыболовства³.

Сырдарья от Раима до устья представляла только две удобные переправы: Аман-уткул, 14-ю верстами ниже раимской пристани, и Хан-уткул, 9-ю верстами ниже Аман-уткула. Обилие камышей не давало удобств для летнего пребывания киргизов около берегов Сыра, но зимой там было множество аулов. Вода рек и озер большею частью была соленой или солоновато-горькой, по берегам их рос камыш⁴. Защищая от холода и ветров, камыш служил кроме того топливом и кормом для скота, а также и материалом для плотов или сал, на которых киргизы ловили рыбу, преимущественно сазанов.

Большинство киргизов и каракиргизов вело кочевой образ жизни. Кочевание — одна из древнейших форм жизни, присущая скотоводам вследствие того, что многочисленные их стада, оставаясь на одном месте, быстро заканчивали весь наличный подножный корм⁵. Кочевники занимались скотоводством, но «со времени голода в год зайца, сознав непрочность скотоводства на принятых

¹ Макшеев А. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896. С. 10.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 51.

⁴ Ягмин А. Киргиз-кайсацкие степи и их жители... С. 4.

⁵ Гродеков Н. И. Киргизы и Каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889. С. 109.

началах, обратились к устройству запасов травы на зиму и к земледелию»¹. Положением от 12 июня 1886 года² об управлении Туркестанского края установлено поземельное устройство кочевого населения, таким образом государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляли в бессрочное общественное пользование кочевникам на основании обычаев и правил. Земли кочевников обычно делились на зимние стойбища (зимовки), летние кочевья (летовки) и обрабатываемые земли. Распределялись зимние стойбища по количеству скота и размеру хозяйства, каждый кочевник имел право возводить на участке зимнего стойбища жилье и хозяйственные постройки. Пользование же летними кочевьями определялось обычаями, киргизы Сырдарьинской области сохраняли право перехода летнего кочевания в соседние степи области, но только по разрешению Туркестанского генерал-губернатора. Киргизы следовали древнему обычаю, кочевали обществами одного рода, в свои аулы допускали из других родов лишь родственников по женской линии или бедняков, нанимающихся в работники. Отправление в путь на кочевье не определялось властями, кочевали с группами из большого или меньшего числа кибиток, хозяин каждой кибитки сам определял место остановки.

Кочевники кроме скотоводства занимались охотой, так как этот вид деятельности для оседлого населения служил развлечением и удовольствием.

Торговля у киргизов была связана со скотоводством, они продавали рогатый скот, лошадей и баранов приезжающим из внутренних губерний скупщикам. Порода киргизских лошадей была замечательна быстротой бега и неутомимостью³.

Таким образом, в конце XIX века влияние Российской империи в Киргизской степи все более укреплялось. Немаловажно, что в этот период происходит «большая игра» между такими крупными странами, как Россия и Англия, и особенно борьба за рынки сбыта производимых в метрополиях товаров. Построенные укрепления давали Российской империи возможность все глубже изучать этот народ и его образ жизни, поскольку в дальнейшем это открывало путь завоевания Средней Азии в целом.

В. В. Дубовицкий

**Личный архив А. Е. Маджи как источник по истории, этнографии и науковедению
Средней Азии конца XIX — первой половины XX века**

Не будет преувеличением утверждение, что для России Среднеазиатский регион был открыт через Оренбург. Само основание этого города было вызвано активизацией России на юго-восточном направлении ее границ в первой четверти XVIII в. Многообразный процесс контактов страны с этим регионом в качестве обязательного элемента включал и его постоянное, тщательное, всестороннее изучение. Со времени своего основания (1743 г.) и на протяжении более ста лет город Оренбург играл немаловажную роль в международных отношениях России с государствами Среднего Востока⁴, в частности с ханствами и племенными объединениями Средней Азии, Кашгарией (нынешняя провинция Синьцзян, КНР), Британской Индией, а также Афганским государством. По образному выражению государственных деятелей России того времени, он становится для народов названного региона «пристанищем и портом»⁵, местом постоянных торговых и дипломатических контактов с обширными областями Азии.

¹ Александров. Из жизни степных уездов Сыр-Дарьинской области // Туркест. вестн. 1885. № 17—18.

² Гродеков Н. И. Киргизы и Каракиргизы Сыр-Дарьинской области... С. 107.

³ Ягмин А. Киргиз-кайсацкие степи и их жители... С. 32.

⁴ Автор, учитывая разноречивость в современной геополитической терминологии, пользуется определением региона «Средний Восток», данным в 1919 г. одним из основателей русской и советской геополитики — генералом А. Е. Снесаревым: «Под Средним Востоком нужно разуметь, во-первых, Индию, во-вторых, кольцо тех государств, маленьких, несильных, небогатых, которые окружают Индию (это Белуджистан, Афганистан, лежащий над Индией в виде четырехугольника, Памир, Кашгария и затем Тибет); наконец, в-третьих, нужно еще включить лежащий к северу русский Туркестан, который в отношении возможности наступления или угрозы Индии рассматривается англичанами как база... с политической точки зрения под территорией Среднего Востока разумеют ту большую территорию, в которую входит сама Индия, как объект для ее обладания, удержания или достижения, группа тех стран, которые окружают ее со всех сторон и которые известны в литературе под специальным названием «государств-буферов», или «государств-гласисов», и наконец, огромный русский Туркестан, который рассматривается как база подготовительных операций к овладению Индией». Снесарев А. Е. Афганистан. 1921. С. 15—16.

⁵ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 138.